

В.Л. Берсенева, д-р истор. наук, проф.,¹
г. Екатеринбург

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО²

В статье даётся краткий обзор отражения вопросов обеспечения экономической безопасности территории в памятниках экономической и политико-правовой мысли. Показано, что ключевыми факторами в этой сфере на протяжении веков оставались военная мощь, поддержание законности и забота о внутреннем рынке.

Ключевые слова: экономическая безопасность, устойчивое развитие, история проблемы, военная мощь, законность, внутренний рынок.

Историография проблемы обеспечения экономической безопасности в отечественной специальной литературе сформировалась сравнительно недавно. Достаточно сказать, что в советской экономической науке этот термин практически не использовался. В лучшем случае вопросы экономической безопасности косвенным образом поднимались при анализе причин и природы экономических кризисов при капитализме [1, с. 618–676 и др.] или глобальных проблем, стоящих перед мировой экономикой [2, с. 713–730].

Непосредственно к категории «экономическая безопасность» российские учёные-экономисты обратились в середине 1990-х гг., когда стало вполне оче-

видно, что современная экономическая реформа не только не обеспечила новое качество роста, но и стала причиной системного кризиса народного хозяйства России. В частности, сотрудники Института экономики УрО РАН выделили в рамках данной проблематики региональный (территориальный) аспект. Под экономической безопасностью субъекта Федерации или региона они предложили понимать совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории, органически интегрированной в экономику федерации. Вместе с тем в пределах города (района, посёлка) с градообразующим предприятием предлагалось рассматривать экономическую безопасность через поддержание устойчивого развития данного предприятия, исключая отрицательное влияние на состояние и условия жизни проживающего на этой территории населения [3, с. 79].

Иными словами, экономическую безопасность предлагалось рассматривать применительно к трём уровням субъек-

¹ Берсенева Владимир Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН; e-mail: colbers@bk.ru.

² Статья подготовлена на средства гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-6507.2012.6.

тно-объектных отношений в хозяйственной сфере: территории (стране, региону), предприятию и человеку. Для российской действительности 1990-х гг. такой подход представлялся вполне новаторским, хотя обращение к историческим источникам позволяет утверждать, что проблема обеспечения экономической безопасности во все времена затрагивала все три перечисленных уровня отношений, хотя и в разной степени.

При этом следует признать, что страновой (территориальный) аспект проблемы неизбежно занимал приоритетное положение. Даже само понятие «экономическая безопасность» впервые получило институциональное оформление в масштабах государственного учреждения. Как известно, в рамках реализации «Нового курса» президента США Ф.Д. Рузвельта в 1934 г. был учреждён Комитет по экономической безопасности. Его миссия заключалась в активизации государственного регулирования американской экономики, хотя одним из ведущих направлений деятельности комитета стала борьба с безработицей – следствием «Великой депрессии» рубежа 1920–1930-х гг., то есть в системе экономической безопасности страны выделялся и личностный аспект. Одновременно комитет занимался и сбором информации об экономическом и ином потенциале Германии, Японии, Италии, СССР и других стран, осуществляя тем самым своего рода разведывательную деятельность в интересах предпринимательского сообщества США [4, 5].

Поскольку до середины 1930-х гг. категория «экономическая безопасность» ни в официальных документах, ни в научных трактатах не встречалась, об актуальности проблемы её обеспечения в территориальном аспекте можно судить только по близким по смыслу свидетельствам, содержащимся в памятниках экономической и политической

мысли. В числе первых такого рода памятников выделяется «Речение Ипусера [в отдельных редакциях – Ипувера.– Б.В.]». Знатный египтянин, обращаясь к правителю, обвиняет его в неспособности спасти страну от смуты. Предположительно речь здесь идёт о народном восстании примерно в начале XVIII в. до н.э., хотя существуют и другие версии определения времени описываемых событий. Картина же при этом рисуется безрадостная: «Воистину: сердце людей жестоко. Мор по всей стране. Кровь повсюду. Не удаляется смерть... Воистину: благородные в горе, простолюдины же в радости. Каждый город говорит: “Да будем бить мы сильных [имущих] среди нас”. Воистину: люди стали подобны птицам, ищущим падаль» [6].

При красочном описании бедствий, обрушившихся на Египет, упоминается и такой факт: «Воистину: вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов. Воистину: [чиновники] убиты. Взятые их документы. О, как скорбно мне из-за бедствий этого времени. Воистину: писцы по учёту урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием. Воистину: свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрёстках» [6]. Иными словами, подрыв экономической безопасности Ипусер связывает с нарушением установленных порядков, то есть законности.

Монолог завершается призывом к египтянам защищать себя самим, «[ибо] не нашёл тот, кто будет стоять над защитой их...» [6]. В качестве врагов, которым надо было противостоять, помимо повстанцев упоминаются и кочевники, проживающие на соседних с Египтом территориях. В случае же преодоления смуты и восстановления законности Ипусер обещает следующее: «Вследствие этого случится, что дадут знать бедуинам о состоянии страны. Все варвары напол-

няться боязнью перед ней. То, что испытали люди, не даёт Египту превратиться в пустыню. Сила её [страны] ограничивает врагов» [6]. То есть сильная власть и военная мощь, по мысли Ипусера, обеспечивают состояние защищённости и выступают гарантом экономической безопасности страны.

Что-то подобное можно обнаружить и в более раннем памятнике правовой и политической мысли – «Законах Ур-Намму» (Междуречье, рубеж XXII-XXI вв. до н.э. или чуть позже). В Прологе к Законам говорится: «Тогда Ур-Намму, могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, могуществом Нанны, владыки Града, по праведному повелению Уту, воистину установил справедливость в Стране, воистину он изгнал зло, насилие и раздор» [7]. Примечательно, что в числе заслуг царя Ур-Намму выделяют также упорядочение налоговой системы, борьбу с рядом наиболее характерных бюрократических злоупотреблений, урегулирование системы мер и весов, чтобы обеспечить честность на рынках, и т.д. – меры, которые без сомнения можно охарактеризовать как направленные на укрепление экономической безопасности объединённого царства Шумера и Аккада.

Надо сказать, что Междуречье, в отличие от Египта, породило немало сводов законов, что объяснялось особым положением региона, находившегося на пересечении торговых путей. Если в Египте, как указывал Ипусер, всё принадлежало «дому царя» (классическая черта азиатского способа производства по К. Марксу), то в царствах Междуречья весьма активно развивались товарно-денежные отношения и соответственно отношения частной собственности. Поскольку при этом, в лучших традициях восточных деспотий, гарантии свободы человеческой личности оставались достаточно неопределёнными, практикова-

лись долговое рабство кабальничество и прочие негативные явления, ослаблявшие государство вследствие потери потенциальных воинов и налогоплательщиков. Поэтому царям приходилось на законодательном уровне противостоять процессу разорения собственников-производителей.

К числу таких законодательных актов относится и «Кодекс Липит-Иштара» [8] – царя Исина, Шумера и Аккада, правившего во второй половине XX в. до н.э. Хотя до наших дней дошли только 9 фрагментов свода законов, составленного Липит-Иштаром, из их содержания видно, что царская власть стремилась закрепить существующие экономические отношения в условиях частной собственности. В частности, в них содержатся правила и порядка найма рабочей силы и аренды имущества («Человек, взявший в аренду быка и выколовший ему глаз, должен заплатить половину его цены»), устанавливаются нормы семейного права и права наследования («Если мужчина вступил в брак с женщиной, которая родила ему детей, живых и здоровых в настоящее время, и если рабыня также родила детей от своего хозяина, и при этом отец пожаловал свободу рабыне и её детям, то ребёнок рабыни не может претендовать на имущество своего прежнего хозяина») и т.д.

Считается, что «Кодекс Липит-Иштара» являлся прямым предшественником знаменитого «Свода законов царя Хаммурапи» [9], составленного в середине XVIII в. до н.э. и хорошо сохранившегося (текст судебного кодекса был выбит клинописью на чёрной диоритовой стеле, и, кроме того, часть статей была восстановлена по глиняным табличкам). Законы вавилонского царя Хаммурапи в соответствии с шумерской правовой традицией также содержали нормы, направленные на регулирование отношений частной собственности, найма работников и

аренды имущества, но одновременно содержали и статьи, направленные на защиту чести и достоинства подданных («[§ 1] Если человек клятвенно обвинил человека, бросив на него обвинение в убийстве, но не доказал его, то обвинитель его должен быть убит» и др.), а также неприкосновенность жилища («[§ 21] Если человек сделал пролом в дом другого человека, то перед этим проломом его следует убить») и т.д.

Сам же Хаммурапи следующим образом оценивал своё деяние: «Я искоренил междоусобицы, улучшил положение страны, поселил людей в надёжных местах и избавил их от страха. Великие боги меня призвали, и поэтому я – пастырь-мироворец, скипетр которого прям. Моя благая сень распростерта над моим городом, и я держу на своём лоне людей страны Шумера и Аккада. С помощью моей богини-покровительницы они стали преуспевать, я привёл их к благополучию и укрыл их своей мудростью» [9].

С правовым наследием Междуречья первых веков II тысячелетия до н.э. перекликаются своды древнегреческого законодательства архаического периода, в частности «Гортинские законы» [10], составленные на о. Крит на рубеже VII–VI вв. до н.э. Впрочем Крит был известен своими законами с древнейших времён, на что указывает и Аристотель в «Политике» [11]. Он же отмечает, что критский государственный строй был близок к лакедемонскому, то есть спартанскому. Объяснялось это тем, что легендарный древнеспартанский законодатель Ликург, живший ориентировочно в IX–XVIII вв. до н.э., заимствовал древние критские законы при создании политических и правовых институтов спартанского общества.

Аристотель наряду с Ликургом называет «создателем государственного строя» и Солон – социального рефор-

матора Афин, жившего во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э. Став архонтом в 594 г. до н.э., он вынужден был противодействовать затяжному экономическому и политическому кризису афинского полиса, вызванному тем, что неконтролируемое расширение крупных земельных владений привело к резкому ухудшению положения мелких земледельцев. Поэтому не случайно в числе мер, реализованных Солонем, была и отмена долгового рабства, а афинян, проданных за пределы полиса, выкупили обратно за государственный счёт. Также отменялись все обязательства, связанные с задолженностью по земле, вводилась более удобная так называемая эвбейская система мер и весов, что способствовало оживлению торговли и ремесла, а все родовые привилегии были заменены имущественными [12].

Сложившаяся в этот период в Афинах полисная система явилась образцом для других греческих полисов, а афинская политическая философия представляла собой вершину интеллектуальной мысли античного мира. Поскольку же в центре полисной системы находился свободный гражданин, наделённый политическими и имущественными правами, вопрос безопасности государства тесно увязывался с безопасностью личности. Аристотель в «Политике» прямо указывал: «Демократии в свою очередь пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почётным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели» [11].

Эта мысль звучит у Аристотеля неоднократно. Другим гарантом безопас-

ности, по его мнению, выступал закон: «Для законодателя и для лиц, желающих учредить подобного рода государственный строй [демократический – Б.В.], не главной и не единственной задачей является установление его, а в большей степени – принятие мер для его сохранения. Ведь не трудно продержаться один, два, три дня какому бы то ни было государственному строю. Поэтому следует, исходя из наших предыдущих рассуждений о том, что способствует крушению или сохранению государственных устройств, попытаться обеспечить безопасность, оберегаясь от всего разрушительного и устанавливая такого рода законы, и неписаные, и писаные, которые в наибольшей степени являются спасительными для государственного строя...» [11].

На приоритет права указывали и древнеримские авторы. И. Шумпетер, достаточно критично относившийся к философскому наследию Древнего Рима, отмечал, что, хотя аристократия, культивируя интерес к греческой философии и искусству, и создала свою собственную литературу, но в основном вторичную [13, с. 84]. Однако римские юристы, вынужденные долгое время (фактически вплоть до эдикта Каракаллы от 212 г. н.э.) работать с несколькими системами права (*jus civile*, *jus quiritium*, *jus gentium* и др.), адресованными разным категориям населения Римской республики/империи, разработали систему норм, регулирующих все социально-экономические отношения в обществе, включая вопросы безопасности человека и государства [13, с. 84–88].

Падение Римской империи и шире – античной цивилизации – перевело вопрос обеспечения экономической безопасности государства и личности в иную плоскость. В варварских королевствах эпохи «тёмных веков» (V–X вв.) на первый план выходила военно-политическая безопасность, а личности церковь предписывала заботиться не о

самосохранении и выживании, а о спасении души. На этом фоне особое место занимает «Капитулярий о поместьях» [14], составленный в эпоху императора франков Карла Великого (742–814) предположительно его сыном Людовиком, королём Аквитании.

Формально это была инструкция управляющим королевскими поместьями. Тем самым содержательно капитулярий отражал наиболее значимые черты организации классического феодального хозяйства с его полунатуральным характером производственных отношений. Один из видных представителей французской школы «Анналов» М. Блок отмечал, что, хотя «товарообмен в феодальном обществе отнюдь не отсутствовал, но был в высшей степени нерегулярным... Большое количество продуктов переходило из рук в руки в виде повинностей, выплачивавшихся господину за покровительство или просто в знак признания его власти» [15, с.130–131]. В частности, не случайно пункт 62 капитулярия содержал указание управляющим сообщать ежегодно, «что и сколько мы имеем по отдельным статьям» с пространным перечнем различного имущества и продовольствия (вплоть до «жеребчиков и кобылок»), поставляемого феодалу. Сбор оброка наряду с поступлениями от барщины выступал основой обеспечения экономической безопасности поместья.

Оживление товарно-денежных отношений в период классического средневековья (XI–XIII в.) одним из следствий имело бурный рост городов, когда наряду с имевшимися и ранее немногочисленными городами – административно-политическими центрами и резиденциями феодалов – стали в массовом порядке возникать поселения как места сосредоточения ремёсел и торговли. В результате «коммунальных революций»,

принимавших различные формы (вооружённое восстание, выкуп у феодала отдельный вольностей и др.), горожане освобождаются от крепостной зависимости и добиваются прав и привилегий, которых было лишено крестьянство.

Степень самостоятельности городов в разных регионах Европы была различной. Города-государства Средней и Северной Италии фактически представляли собой «второе издание» античных полисов. Несколько меньшей свободой пользовались имперские города Германии и коммуны Франции. Древнерусские города не знали «коммунальных революций» и оставались в феодальной зависимости, однако яркими исключениями стали Великий Новгород и Псков, на протяжении ряда веков развивавшиеся в русле западноевропейских традиций городского строительства.

Городской совет вводил налоги и определял порядок их взимания, ведал административными делами, осуществлял надзор за ремёслами и торговлей, руководил силами городской самообороны и т.д., то есть обеспечивал основы экономической безопасности подведомственной территории. Более того, города объективно ускоряли процесс разложения феодального способа производства, поскольку не только лишали сеньоров части ренты, но и втягивали сельское население в товарно-денежные отношения. Одним из следствий развития городов и городского хозяйства стал аграрный переворот конца XIII – начала XIV вв., в результате которого произошла коммутация барщины, сопровождавшаяся значительным ослаблением режима крепостного права и тем самым подрывом основ экономической безопасности классического феодального поместья.

Эпоха первоначального накопления капитала (XV–XVIII вв.) сопровождалась утверждением абсолютных монархий, стремящихся к нивелированию прав

и привилегий феодальных уделов и городов. Вместе с тем неразвитость коммуникаций не позволяет королевской власти полностью централизовать управление страной, и на местах сохраняются элементы самоуправления административно-территориальных единиц различного уровня. С другой стороны, ликвидация внутренних границ между владениями феодалов, пошлин и т.д. объективно способствовала формированию общенационального рынка.

Наконец, по итогам Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), в которую оказались вовлечены почти все ведущие державы Европы, сложилась так называемая Вестфальская система международных отношений [16], сохраняющая свою актуальность и поныне. Одной из основных отличительных черт этой системы стал принцип национального суверенитета, когда каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории. Логическим следствием из этого положения стал тезис, согласно которому государство имеет своей главной целью обеспечение общего благосостояния и безопасности.

Даже в дискуссиях между меркантилистами и фритредерами XVII в. и в последующих спорах между поклонниками экономического либерализма и сторонниками «воспитательного протекционизма» в XVIII–XIX вв. не ставилось под сомнение утверждение, что безопасность государства неотделима от его экономического благополучия. Разумеется методы обеспечения благополучия, укрепления и безопасности виделись идеологам либерализма и патернализма по-своему.

А. Смит (1723–1790), одним из первых обосновавший принцип невмешательства государства в экономику тем не менее указывал, что государь обязан был поддерживать порядок и законность в стране, а также заботиться об общем благе: «Со-

гласно системе естественной свободы государю надлежит выполнять только три обязанности, правда, они весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливостей и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия; и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определённые общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них никогда не сможет оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу» [17, с. 647–648].

В свою очередь, апологет государственной опеки над молодой, растущей германской промышленностью Ф. Лист (1789–1846) противопоставлял английской либеральной экономической мысли свою систему «национальной экономии» – совокупность рекомендаций по проведению особой экономической политики с целью ускорения развития производительных сил нации:

«...Необходимо противопоставить частную экономию социальной экономии и в этой последней различать: экономию политическую, или национальную, которая, исходя из представления и сущности национализма, учит, каким образом данная нация при современном положении всего света и при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать своё экономическое положение, и экономию космополитическую, или мировую, которая исходит из гипотезы, что нации всего земного шара образуют собою одно общество, пребывающее в вечном мире» [18, с. 116].

Поскольку нация занимала в системе Ф. Листа место *homo oeconomicus* А. Смита, внутренняя политика страны неизбежно должна была нести в себе черты патернализма:

«В интересах каждой отдельной нации, в частности, политика, напротив, требует: гарантии для её самостоятельности и долговременности существования, особенных мер к поощрению её успехов в культуре, благосостоянии и могуществе и к улучшению её социального строя...» [18, с. 24].

Богатство нации заключалось, по мнению Ф. Листа, не в количестве меновых ценностей, а в полном и всестороннем развитии её производительных сил. «Промышленное воспитание» было важнее, чем максимальное обеспечение нации потребительскими товарами. С целью вовлечения в производство незадействованных ресурсов рекомендовалось отказываться от импорта более дешёвых иностранных товаров широкого потребления и развивать даже те отрасли национальной промышленности, продукция которых была неконкурентоспособной на мировом рынке.

Противостояние двух базовых доктрин экономической политики продолжилось и в XX в. В этом плане переход к современной экономической реформе в России также можно рассматривать как частный случай торжества принципа экономического либерализма (в предшествующую эпоху соответственно наоборот). Тем не менее ход преобразований вынудил Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в апреле 1996 г. подписать указ, утверждающий «Государственную стратегию экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)» [19]. За ним последовали и другие нормативные акты, закрепляющие политико-правовые основы обеспечения экономической безопасности страны. Уже в 2000-х гг. Россия смогла резко со-

кратить свой внешний долг, ограничить доступ иностранных сырьевых компаний к российским недрам, отказалась ратифицировать «Европейскую энергетическую хартию» и т.д., то есть сделать прагматичный вывод в пользу восстановления практики протекционизма.

Таким образом, даже краткий обзор отражения вопросов обеспечения эконо-

номической безопасности территории в памятниках экономической и политико-правовой мысли свидетельствует о том, что военная мощь, поддержание законности и забота о внутреннем рынке являются в этой сфере ключевыми факторами. Остальное предприниматели сделают сами, если у них появятся и желание, и возможности.

Список использованных источников

1. Политическая экономия. Т.1. Докапиталистические способы производства. Общие закономерности развития капитализма. Изд. 3-е, доп. М.: Мысль, 1973.
2. Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. Политическая экономия: учебник для вузов. М.: Политиздат, 1988.
3. Татаркин А., Романова О., Куклин А., Яковлев В. Экономическая безопасность как объект регионального исследования // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 78 – 89.
4. Семин Н.Л. Спецслужбы и крупный бизнес США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hrazvedka.ru/guru/specsluzhby-i-krupnyj-biznes-ssha.html>.
5. Фомин А. Экономическая безопасность государства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/012.htm>.
6. Речения Ипусера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biblicalstudies.ru/Lib/Epigraph/1.html>.
7. Законы Ур-Намму. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biblicalstudies.ru/Lib/Epigraph/7.html>.
8. Липит-Иштар. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.
9. Законы вавилонского царя Хаммурапи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.
10. Гортинские законы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.
11. Аристотель. Политика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.klex.ru/24m>.
12. Солон : Словарь античности / Пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993.
13. Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3-х т. Т.1. СПб.: Экономическая школа, 2001.
14. Капитулярий о поместьях // Карл Великий. Через Империю к Европе. М.: Соратник, 1995. С. 210–218.
15. Блок М. Феодалное общество // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 122–181.
16. Вестфальская система международных отношений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
17. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
18. Лист Ф. Национальная система политической экономии // Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 г. М.: Европа, 2005. С. 21–256.
19. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения): Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 18. Ст. 2117.
20. Иванов Ю.Б., Бережная Ю.В., Лосева Ю.М. Эффективность государственного налогового планирования как условие обеспечения национальной экономической безопасности // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2011. № 4.
21. Кизим Н.А., Хаустова В.Е. Влияние трансграничных слияний и поглощений на экономическую безопасность страны // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2011. № 4.